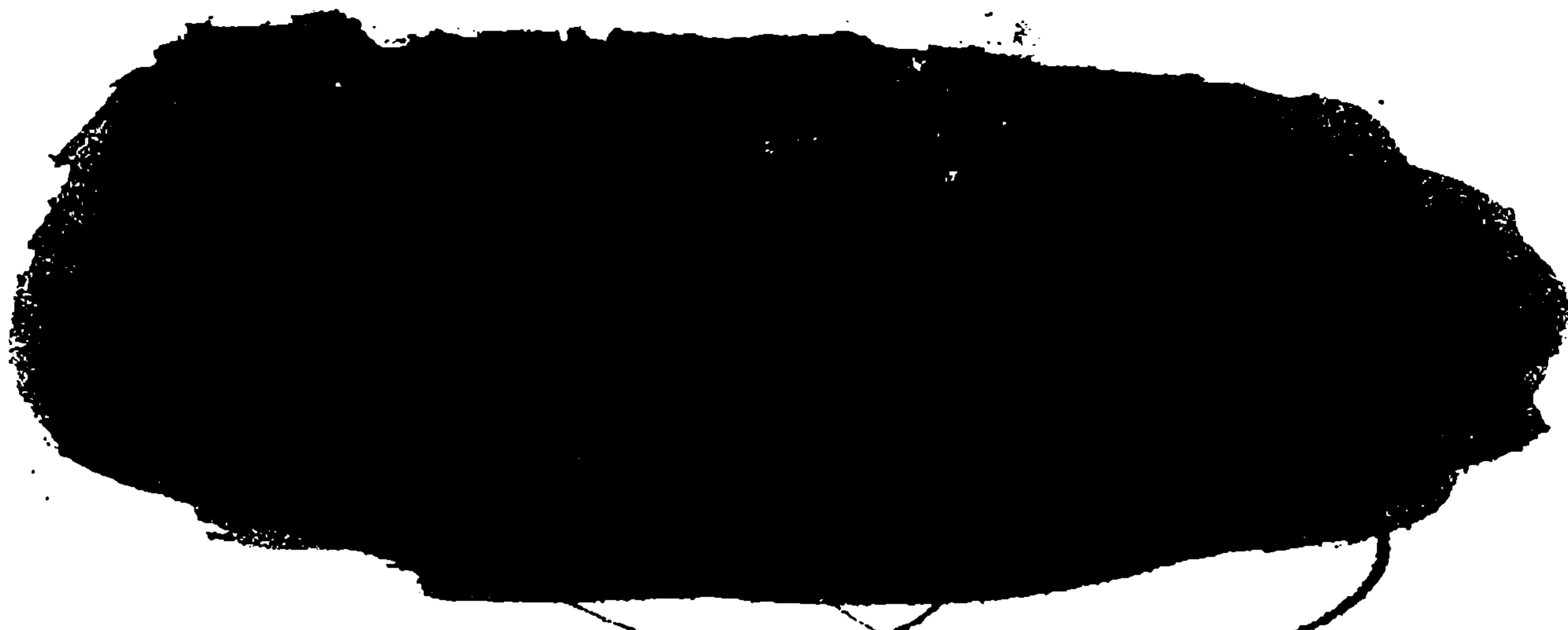

Григорій Мих. Медвѣцкій.

Единство русскаго языка въ его нарѣчіяхъ.

Типографія Никольной Помощи.
Ужгородъ, 1924.

*Перепечатка изъ журнала „Карпат-
ский Край“ №№ 5—7, съ значительными
добавленіями.*

Научная литература по „особому украинскому языку“ пополняется все новыми и новыми грамматиками. Ихъ составляютъ съ одной стороны галицкіе ученые, съ другой — нѣкоторые russkіе; изъ послѣднихъ это либо невѣжественно мечтающіе о министерскихъ портфеляхъ — креслахъ „Соборной Украины“, либо стремящіеся къ профессорскимъ кафедрамъ, какъ напр. учитель Огіенко и прочие.

Много меньше вниманія посвящаютъ russkіе ученые этому большому вопросу; тѣмъ не менѣе, нельзя не отмѣтить ряда книгъ, на которыхъ ни „украинцы“, ни, того печальнѣе; russkіе до сихъ поръ своего вниманія не остановили. Къ числу такихъ книгъ прежде всего слѣдуетъ отнести книги: профессора харьковского университета *И. И. Замошина*, подъ названіемъ „Единство russkаго народа“ и замѣчательнѣйшую книжечку профессора *Б. М. Ляпунова* („Единство russkаго языка въ его нарѣчіяхъ“, Одесса, 1919 г.*), этого выдающагося слависта нынѣшняго времени, пок. *П. А. Заболотскаго* „Русскій литературный языкъ“, Нѣжинъ, 1918 г., а также рядъ книгъ профессора *Ю. А. Яворскаго*, („Русскій языкъ“, Львовъ, 1923 г.), статья д-ра *О. Вочадло*: (*Slovanská nesvornost, jazykový separatizmus u slovanů a jinde, Praha 1923. Revue „Nové Čechy“ sv. 16)*** Ю. Демянчикъ: (Единство russкаго языка, „Разсвѣтъ“ № 1—2 (3—4) Львовъ 1924 іюнь стр. 7) и мн. др.

„Украинская“ языковая литература пополняется книжками, содержаніе которыхъ, за малымъ исключеніемъ, стремится къ тому, чтобы доказать самостоятельность „украинскаго языка“, а отсюда и самостоятельность народа. „Украинскіе“ ученые стремятся къ тому, чтобы единый russkій организмъ расчленить на части — они уже давно пе-

*) Книга проф. Б. Ляпунова, послужила главнымъ источникомъ для настоящей работы. Дорожка учеными выводами, авторъ счелъ необходимымъ многія мысли формулировать просто словами Б. М. Ляпунова.

**) Вотъ что объ украинскомъ сепаратизмѣ пишетъ Д-ръ Вочадло: „O Malorusech je známo, že pokud se vzdělaní týče, staví se na poslední místo mezi Slovany a pro vytvoření karpatské rusinštiny se tuším uvádí psát co nejlehčím jazykem: zanedbaným horalům. Rozumí se samo sebou, že u Slovanů o kráteriu praktické potřeby se vůbec nedá mluvit. Je to jen otázka jistého stupně inteligence. Spisovná ruština je srozumitelná, jak jsem se předsvědčil, i v nejzazší čásí maloruského území, kde již pronikají v městech polské vlivy, ba v jihoruských dědinách spisovné liovské ukrajinské hrubě nerozuměli, kdežto inteligentnější sedlácí hovořili pěkně velkorusky“ „Pro zavedení spisovné ukrajinské rozhodovaly z velké casti politické důvody“.

рестали довольствоваться тѣмъ, что нѣкоторые русскіе гуманисты примирились съ хозяйствомъ этого языка въ простонароднѣмъ провинциальномъ обиходѣ, признавая его въ пѣсняхъ, „думахъ“, и рѣже, въ художественныхъ произведеніяхъ. Они вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно забываютъ, что судъ исторіи вынесетъ имъ свой суровый приговоръ. Результатъ ихъ варварской работы еще не собранъ — но предвидѣть, заглядывая въ будущее временѣ, мы можемъ — какъ печальная участъ этихъ покорныхъ слугъ покойной Австро-Венгрии и раскальвающейся Германіи.

О такъ называемомъ „особомъ русскомъ языке“ совершенно точно еще въ 1882 году — по поводу статьи де-Пуля („Вѣстникъ Европы“, май 1882 г., т. III, стр. 436 и слѣд.), акад. Пыпинъ, котораго нельзя заподозрить въ пристрастіи, писалъ: — „чистый народный малорусскій языкъ, можетъ быть выдержанъ развѣ *только* въ поэзіи и беллетристикѣ, въ повѣстяхъ изъ народнаго быта и т. п., но онъ (малорусскій языкъ) оказывается недостаточнымъ въ литературѣ *научной и политической*, какъ и для *поэтическихъ* произведений болѣе сложнаго содержанія“.

Совершенно на мѣстѣ было бы напомнить, что А. Пыпинъ (крупнѣйший литературный историкъ, которому часто приписываютъ украинофильськія тенденціи), по поводу украинофиловъ писалъ: „другая сторона (т. е. украинофилы) полагая, что *ведешъ* чисто народное дѣло, доходитъ до *крайности*, проповѣдуя отдѣльность и исключительность южнорусскаго племени, отвергая солидарность съ русской литературой и давая *фантазіи гораздо больше места, чѣмъ слѣдуешъ по положенію*. Вопросъ о малорусскомъ языке касается въ настоящее время малорусскаго простонародья и тѣсно связывается съ мыслию объ умѣственномъ развитіи этого простонародья, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ потребностью этнографіи изслѣдовашъ и изучишъ исторію, духовный и матеріальный бытъ малорусскаго племени, а вовсе не ведешъ за собою замѣны общерусскаго культурнаго языка какимъ *то* инымъ искусственнымъ. („Вѣстникъ Европы“, стр. 436, май 1882, т. III). — Нѣсколько позднѣе профессоръ кievскаго университета, извѣстнѣйший въ славянскомъ научномъ мірѣ филологъ, вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ первыхъ учёныхъ этнографовъ, Т. Д. Флоринскій*) (недавно убитый въ Кіевѣ) въ 1900 году обратилъ свое вниманіе на необыкновенно ненормальное явленіе среди „украинофильствующихъ“ и не находить словъ осужденія ихъ позорной дѣятельности. Его прозорливый глазъ предвидѣлъ столь печальную картину нынѣшняго положенія. Еще тогда проф. Флоринскій въ книгѣ:

*) Отношеніе къ проф. Флоринскому было крайне враждебно со стороны „украинцевъ“, такъ какъ онъ занималъ должность цензора.

„Малорусскій языкъ и украинскій сепаратизмъ“, СПБ. 1900 г. — даваль чрезвычайно точныя опредѣленія этому движенію. Далѣе въ 1907 году акад. А. И. Соболевскій въ необычайно цѣнной книжкѣ — „Русскій народъ какъ этнографическое цѣлое“ (Харьковъ 1907), наконецъ, задолго до картинъ нынѣшняго лихолѣтья — проф. Ивановъ, пренебрегая научнымъ этикетомъ, просто смотрѣлъ опасности въ глаза и предупреждалъ какъ русскій ученый міръ, такъ и правительство, въ своей неоцѣнимо пророческой книжкѣ — „Забавны-ли хохлацкіе замыслы?“ — Почти одновременно и извѣстнѣйший писатель К. С. Аксаковъ въ украинофилахъ видитъ „Зло и опасность“ и объ этомъ открыто высказываетъ презрѣніе къ стремленіямъ украинцевъ къ языковому и литературному обособленію.

Отвѣчая на вопросъ, „что такое русскій языкъ?“ — профессоръ Ляпуновъ по послѣднимъ даннымъ науки объясняетъ одновременно и несостоятельность „украинскаго языка“ и воочію показываетъ предательскую работу украинофиловъ и въ наукѣ и въ политикѣ. Вооруженный всецѣло и глубоко провѣренными наукой данными, онъ такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: — „прежде всего это языкъ обычно употребляемый въ рѣчи образованныхъ классовъ, въ правительственныхъ учрежденіяхъ русскаго государства, обработанный литераторами и учеными русскими, изучаемый въ русскихъ школахъ, т. е. съ одной стороны „общѣ-русскій“ разговорный, съ другой — русскій государственный и литературный. Такой языкъ имѣеть своимъ идеаломъ единство, достигаемое до извѣстной степени путемъ школы, по крайней мѣрѣ, въ книгѣ, но всегда страдающее невольными отступленіями въ живой рѣчи. Эти послѣднія объясняются тѣмъ, что „русскій языкъ“ долженъ быть понимаемъ и въ другомъ смыслѣ, а именно, какъ живой языкъ многомилліоннаго, искони русскаго, такъ и усвоившаго себѣ его путемъ воспріятія русской культуры инородческаго населенія. Этотъ живой въ своей внѣшней формѣ, т. е. въ звукахъ, формахъ склоненія и спряженія, и въ словарѣ языка, тѣмъ болѣе разнообразится, чѣмъ менѣе носители его подвержены вліянію русскаго литературнаго языка, чѣмъ менѣе они грамотны. Этотъ живой языкъ слышится и произносится на огромномъ пространствѣ бывшаго россійскаго государства въ Европѣ и въ Азіи, и за предѣлами его въ восточной Галиціи, сѣверо-восточной Венгріи (нынѣ Карпатской Руси — Гр. М.) и Буковинѣ, мѣстами сплошь (въ особенности въ центральной Россіи, въ бассейнахъ верхней Волги, Оки, Дона, Днѣпра и др.), мѣстами рядомъ или среди иноязычнаго населенія, лишь частью воспринимающаго кромѣ своей родной и русскую областную и государственную рѣчь (въ особенности въ Сибири, сѣверо-восточныхъ, восточныхъ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ Евро-

пейской России, Бессарабії, на Кавказѣ, въ Крыму и въ средней Азії). Согласно только что сказанному, этотъ слышимый на большомъ пространствѣ живой русскій языкъ неграмотнаго населенія, естественно, какъ и всякий живой языкъ, распадается на множество говоровъ, которые по большему или меньшему сходству между собою могутъ быть объединены въ группы, называемыя обычно нарѣчіями. Такимъ образомъ, языкъ мы дѣлимъ: на нарѣчія, нарѣчія — на поднарѣчія, поднарѣчія на говоры“.

„Необходимо замѣтить, что какъ русскій народъ вмѣстѣ съ болгарами, сербо-хорватами, словенцами, чехами, словаками, поляками, кошубами и лужичанами составляютъ одну группу народовъ славянскихъ, такъ и русскій языкъ вмѣстѣ съ языками указанныхъ народовъ, входитъ въ большую группу языковъ славянскихъ. Сходство славянскихъ языковъ между собою тѣмъ большее, чѣмъ болѣе вглубь вѣковъ проникаетъ наше изслѣдованіе ихъ, а въ особенности отношеніе ихъ къ языку древне-церковно-славянскому (старославянскому), какъ древнѣйшему письменному свидѣтелю о славянской рѣчи, дало право изслѣдователямъ сдѣлать выводъ объ общемъ происхожденіи всѣхъ этихъ языковъ, изъ одного общаго языка-предка, называемаго нами „праславянскимъ“ (по нѣмецкой терминологіи „Urslavische Sprache“, по французской „Langue slave commune“). Можно думать, что такой „общеславянскій“ еще не распавшійся, лишь съ незначительными діалектическими варіаціями, языкъ слышался на небольшомъ пространствѣ, гдѣ нибудь въ предѣлахъ нынѣшнай Западной Россіи приблизительно около 2000 лѣтъ тому назадъ“.

„Но не слѣдуетъ обольщаться мыслью, что общее происхожденіе языковъ свидѣтельствуетъ всегда объ общности происхожденія народовъ: въ исторіи не мало примѣровъ воспріятія народами чужихъ языковъ, то побѣдителей, то побѣжденныхъ, вообще языковъ болѣе культурныхъ сосѣдей. Мы знаемъ, что древніе галлы приняли языкъ римскихъ колонистомъ, а романизованные галлы въ свою очередь передали свой романскій языкъ покорившимъ ихъ франкамъ германского племени, причемъ и воспринимающій народъ оставляетъ известные слѣды своего прежняго языка то въ произношеніи, то въ формахъ, то въ словарѣ“.

„Въ славянскомъ мірѣ наиболѣе яркій примѣръ такого воспріятія не-славянами славянскаго языка, покореннаго ими и частью смѣшавшагося съ ними славянскаго населенія, представляютъ болгары, по происхожденію тюрки, остатки которыхъ известны въ русской исторіи дотатарского періода по берегамъ Волги близъ впаденія Камы. Восточные (руssкіе) славяне путемъ колонизаціи распространили свой

языкъ среди финскихъ инородцевъ, нѣкогда сплошными массами населявшихъ сѣверо-востокъ, а въ болѣе древнее время и центръ нынѣшней Европейской Россіи. Съ другой стороны масса славянского населенія онѣмечилась, принявъ нѣмецкій языкъ по нижнему течению Лабы (Эльбы) и по берегамъ Балтійского моря, а также въ нынѣшней Хорутаніи (Каринтии) и Стыріи (Штиріи), значительная часть омадьярилась въ Юго-западной Венгрии (древней Панноніи IX вѣка). Однако, прививая свой языкъ словянамъ, и нѣмцы и особенно мадьяры (венгры) заимствовали не мало словъ славянскихъ. Тоже надо сказать и о румынахъ, потомкахъ римскихъ колонистовъ въ Дакіи и въ Македоніи. Возвращаясь къ вопросу о древнѣйшихъ судьбахъ русского языка и русского народа, мы прежде всего должны указать, что уже въ первые вѣка нашей эры началось распаденіе единаго славянскаго народа и праславянскаго языка. Минуя всѣ гадательныя *предположенія* акад. Шахматова о первой болѣе сѣверной — прибалтійской и второй привислинской прародинахъ славянъ, мы можемъ считать несомнѣннымъ, что въ VI вѣкѣ по Р. Хр. не только не было славянскаго единства, но что славяне уже успѣли осѣсть приблизительно въ тѣхъ же мѣстахъ гдѣ застаетъ ихъ исторія въ IX вѣкѣ, когда всѣ они уже выступаютъ подъ своими особыми именами*). Названія отдельныхъ племенъ сохранины русской лѣтописью, дающей ясное свидѣтельство, что уже въ IX вѣкѣ было не одно, а нѣсколько русскихъ племенъ на довольно значительномъ пространствѣ: Поляне, Древляне или „Дерева“, Дреговичи, Кривичи, Словѣне, Радимичи, Вятичи, Дулѣбы, Бужане, Угличи, Тиверцы. Какъ бы ни были незначительны различія въ языкѣ этихъ племенъ, несомнѣнно, что на столь значительномъ пространствѣ, уже тогда, существовало множество говоровъ, которые различались оттѣнками произношенія гласныхъ и согласныхъ (на сѣверѣ было смѣщеніе ѣ и ѧ, произношеніе ѣ, какъ латинское g, (на югѣ рано произносилось h), но не эти различія обусловили позднѣйшее раздѣленіе русского языка на 3 или 4 нарѣчія. Можно сказать, что по XI столѣтіе существовалъ *единий общерусский* праязыкъ съ незначительными діалектическими варіаціями.

Акад. А. А. Шахматовъ въ своемъ „Очеркѣ древнѣйшаго периода исторіи русскаго языка“ (Энциклопедія славянской филологии — Издание Отдѣленія русскаго языка и стовесности Императорской Академіи Наукъ — подъ редакціей ординарнаго академика И. В. Ягича. Выпускъ II, г. Петроградъ 1915 г. стр. 287 и сл.) говоритъ: „Обращаясь къ

*) Лучшее изслѣдованіе и литература по этому вопросу принадлежитъ крупному чешскому ученому Л. Нидерле: „Быть и культура древнихъ славянъ“ Прага 1924. Изд. „Пламя“.

явлениямъ древнѣйшаго періода, морфологическимъ, мы увидимъ, что многіе изъ нихъ относятся, несомнѣнно, къ эпохѣ не ранѣе XII вѣка, и между тѣмъ они объединяютъ всѣ русскія нарѣчія между собою. Слѣдовательно, и въ XII вѣкѣ, несмотря на рѣзко обозначавшіяся діалектическія отличія, русскій языкъ еще не утратилиъ единства; исторія отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій можетъ почитаться съ момента фактическаго распаденія русскихъ племенъ, слѣдовательно съ VIII и IX вѣка; но исторія русскаго языка, какъ единаго цѣлаго, не можетъ ограничиваться этими эпохами, она захватываетъ XI и XII вѣкѣ; ибо, какъ указано, и въ то время единство не было порвано окончательно, оно поддерживалось внутренней связью между расцѣпившимися частями". Далѣе опредѣляя общерусскій праязыкъ, акад. А. Шахматовъ говоритъ, что общерусскій праязыкъ — это тотъ языкъ, которымъ говорили предки Великоруссовъ, Бѣлоруссовъ, Малоруссовъ — въ то время, когда они въ соотвѣтствіи съ тѣсной областью своихъ первоначальныхъ поселеній составляли одно этнографическое цѣлое.

Въ одной изъ многихъ книгъ проф. А. Нидерле (*Slovanský svět.* Praha 1909 str. 11, существуетъ русск. перев. въ изд. Р. А. Н.) пишетъ по поводу вѣтвей русскаго народа, что byly a zůstaly všechny tři skupiny větvemi jednoho národa, měly jednotnou víru a jednotnou literaturu příliš dlohu, abychom jich přes zmíněné rozdíly neuznávali zároveň dohromady za jediný národ ruský (стр. 12).

Въ настоящее время русскій живой языкъ дѣлится на нарѣчія великорусское, бѣлорусское и малорусское, (хотя названія эти простому русскому народу неизвѣстны и употребляются только образованными людьми — всюду знаютъ одно общее название — русскій), причемъ въ средѣ великорусскаго нарѣчія, обнимающаго губерніи съверные, въ бассейнахъ Великихъ Озеръ, Съверной Двины, верхней Волги и Камы, губерніи центральныя въ бассейнахъ правыхъ притокъ Волги и юговосточная въ бассейнахъ Дона, средней и нижней Волги, а также въ Сибири, различаются поднарѣчія съверо-великорусское и южно-великорусское. Бѣлорусское нарѣчіе, обнимающее говоры губерній: Минской, Могилевской, Витебской, частью Виленской, Смоленской и Черниговской, отдѣляется отъ великорусскихъ переходными полосами въ южной части Псковской и Тверской губерній и юговосточныхъ въ Смоленской, западныхъ Калужской и частью Орловской губерній.

Малорусское нарѣчіе, обнимающее губерніи Кіевскую, Полтавскую, Волынскую, Подольскую, и большую часть Харьковской, Екатеринославской и Херсонской, южные уѣзды Черниговской, Курской и Воронежской, область Кубанскую и часть Донской, (между прочимъ здѣсь

въ перемежку съ малоруссами живутъ въ значительномъ количествѣ и великоруссы). Части губерній Гродненской и Люблинской, восточную Галицію, многія мѣстности съверной и восточной Буковины.

Самыя названія „великая“, „малая“ и „бѣлая“, какъ и „черная“ („nigra“), и „червоная“ („rѣbra“) Русь (напомнимъ, что прошедшее изъ Скандинавіи черезъ финовъ имя Русъ (Routsi) въ древности (до XII вѣка) прірученено было только въ южной Кіевской области) не ранѣе XIV столѣтія имѣло первоначально чисто географическое значеніе при чмъ „Малая Русь“, имѣла (это названіе уже несомнѣнно съ XII. в.) ограниченное значеніе Галицко-Волынской земли*). Замѣтимъ, что очень рано (въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1187 годомъ) встрѣчается и название Украина. О смерти Переяславского князя Володимира Глѣбовича сказано, что — „о немъ же оукраина много постона“, — но это название имѣло значеніе лишь пограничной съ областью степныхъ кочевниковъ мѣстности. Такое было древнее Переяславское княжество, колонизованное, вѣроятно, съверянами, а позднѣе назывались „оукраины“ московского государства въ нынѣшней Курской и Воронежской губерніяхъ, которые отодвигались на югъ по мѣрѣ продвиженія сторожевыхъ укрѣплений для защиты отъ нападенія кочевниковъ. Хотя и название „Малорусскій“ въ смыслѣ общаго термина для всей области, распространенія этого языка неточно, но перенесеніе его въ болѣе восточные мѣстности лѣвобережной подднѣпровской области, по крайней мѣрѣ, въ XVII вѣкѣ (въ московскихъ грамотахъ) оправдываетъ это употребленіе въ качествѣ научнаго термина. Что жѣ касается термина „Украинскій“, то его можно считать примѣнимъ лишь въ области южномалорусского, поднарѣчія, и распространеніе его до степени общаго объясняется лишь: 1) тѣмъ, что южное поднарѣчіе раньше получило художественную литературную обработку въ произведеніяхъ полшавца Котляревскаго, харьковца Квитки-Основяненко, уроженца южной части Кіевской губерніи, талантливаго поэта Шевченка и другихъ**), 2) тѣмъ, что съ 1860 годомъ въ Галиціи рядомъ со старорусскимъ направленіемъ началось движеніе такъ называемыхъ

*) О происхожденіи слова „Русь“ см. изслѣдованіе проф. Потебни (т. III. Записокъ по Исторіи русс. яз.)

**) Хотя о Шевченко знаменитый критикъ В. Бѣлинскій писалъ: (Полн. собр. соч. СПБ. 1904, т. VII стр. 214—216 (изъ „Отечественныхъ записокъ“ 1842 года). (Письма его же СПБ. 1914 г. т. III. стр. 317.) къ П. В. Аненкову въ началѣ декабря 1847 года). „Наводилъ я справки о Шевченкѣ и убѣдился окончательно, что вѣрѣ религіи вѣра есть никуда негодная вещь. Вы помните, что вѣрующій другъ мой говорилъ мнѣ, что онъ вѣритъ, что Шевченко человѣкъ достойный и прекрасный. Вѣра дѣлаетъ чудеса, творитъ людей изъ ословъ въ дубинѣ, стало быть, она можетъ и изъ Шевченка сдѣлать, пожалуй, мученика свободы. Но здравый смыслъ въ Ш-кѣ долженъ видѣть осла, дурака и пошлеца, а сверхъ того, горькаго пьяницу любителя горѣлки по патріотизму хохлацкому. Этотъ хохлацкій радикалъ написалъ два пасквиля — одинъ на государя Императора, а другой на государиню Императрицу.

„народовцевъ“, стремившееся пересадить „украинскую литературу“ съ ея новымъ фонетическимъ правописаніемъ Кулиша, — въ Галицію, 3) поддержкой этого движенія со стороны австрійского правишаельства*),

Читая пасквиль на себя, государь хохоталъ, и вѣроятно дѣло тѣмъ и кончилось бы и дуракъ не пострадалъ бы (319) зато только, что онъ глупъ. Но когда государь прочелъ пасквиль на императрицу, то пришелъ въ великий гнѣвъ, и вотъ его собственные слова: „положимъ, онъ имѣлъ причины быть мною недовольнымъ, и ненавидеть меня, но её то за что?“ И это понятно, когда сообразите, въ чёмъ состоитъ славянское остроуміе; когда оно устремляется на женщину. Я не читалъ этихъ пасквилій, и никто изъ моихъ знакомыхъ не читалъ, но увѣренъ, что пасквиль на императрицу долженъ быть возмутительно гадокъ, по причинѣ о которой я уже говорилъ... (следуетъ изложение случая обѣ увольненіи цензора Ивановскаго). Вотъ, что дѣлаютъ эти скоты, безмозглые, либералишки! Охъ эти мнѣ хохлы! Вѣдь бараны — а либеральничаютъ во имя галушекъ и варениковъ съ свинымъ саломъ! И вотъ теперь писать ничего нельзя — все марауютъ. А съ другой стороны, какъ и жаловаться на правительство? Какое же правительство позволить печатно проповѣдывать отторженіе отъ него области? И вотъ еще слѣдствіе этой исторіи. Ивановскій былъ прекрасный цензоръ... Послѣ этой исторіи онъ естественнѣе сталъ строже и придирчивѣе, и мы лишились такого цензора, по милости либеральной свиньи, годной только на сало...“

*) Исторія еще разберется въ преступныхъ дѣяніяхъ „украинскихъ“ научныхъ и политическихъ дѣятелей во время міровой войны на території Австро-Венгрии и Германіи. Она уже открыла на страницахъ нѣкоторыхъ историческихъ изданий нашего времени способы и аргументы, къ которымъ прибѣгали „украинцы“, такъ напр., въ книгахъ П. Н. Милюкова. (Исторія второй русской революціи, т. I, вып. I, глава III, (стр. 139—165) „Расчлененіе Россіи подъ лозунгомъ „самоопределѣленія“ (1921), Д-ръ Мельниковъ: Годы великой войны въ жизни русского Прикарпатья (материалы по исторіи вып. I. Denkschrift des allgemeinen ukrainischen Nationalrates betreffend die Massnahmen zur Reform der, von den Russophilen beherrschten ukrainischen Institute in Lemberg. (См. рецензію „Прикарпатская Русь“ 1919, № 42). Герцогъ Г. Н. Лейхтенбергскій: Воспоминанія обѣ „Украинѣ“ 1917—1918. Талергофъ 1914—1917, „Альбомъ снимковъ изъ лагеря для военно-арестованныхъ русскихъ галичинъ и буковинцевъ въ Штиріи“. А. М. Волкоцкій: „Историческая правда и украинская пропаганда“. (Переводъ съ французск.) Берлинъ 1921. „Samostatnost“ 24 dubna č. 13. „Pruský general Hofmann napsal v svých „vzpominkach“ „Я создалъ „Украину“ и украинцевъ въ Брестъ-Литовскѣ въ 1918 году“. Лемке и др.) измѣнническую и предательскую работу въ названныхъ государствахъ. Такъ кому неизвѣстна дѣятельность Ев. Левицкаго. Кому не памятны его рѣчи въ Берлинѣ въ 1915 году. (См. книгу М. Лемке „250 дней въ царской ставкѣ“. Петербург, 1920, Гос. Изд.). Кому не извѣстно, что во время міровой войны дѣло дошло до того, что одинъ изъ „украинцевъ“ добрался до самаго Талаатъ-бея (!) съ проектомъ освобожденія „Украины“ отъ Россіи. Изобиліе представителей „украинства“ поразительно... что это самозванство или провокация!? Вдохновителемъ всего противорусского являлся и является одинъ и тотъ же „украинскій батько“ проф. Грушевскій, нынѣ перебравшійся въ Кіевъ, гдѣ усердно занимается українізаціей южно-русского края. — Достоевскій останавливается надъ возмутительнымъ случаемъ, когда въ Австріи арестовали нашего историка Иловайскаго, изслѣдовавшаго древности въ Русской Галиціи, а петроградскіе педагоги склонны были оправдывать этихъ политическихъ инквизиторовъ и „обвиняшь“ кабинетнаго ученаго въ русской пропагандѣ (21.—335 словаръ къ твореніямъ Достоевскаго преосвящ. Антонія митрополита Кіевскаго и Галицкаго, стр. 99, Софія 1921 г.). Русская цивилизація прежде всего, пишетъ проф. Е. Аничковъ, весьма либеральный ученый, — значитъ русская государственность прочно обоснованная, безразлично, будетъ ли она федеративной или централистической. У проф. Грушевскаго въ его популярномъ очеркѣ „Исторія Украины“ вырвалась фраза: — во времена Святослава „украинцы назывались Русью“. Конечно Русью, а чѣмъ же еще другимъ они могли называться? Ярко сказывается въ этой фразѣ вся запутанность, неискренность, сфабрикованныхъ въ Мюнхенѣ и Вѣнѣ утопическихъ принциповъ, по которымъ существованіе на южной окраинѣ Россіи, немного

опасавшагося развитія русскаго самосознанія у галицкихъ малоросовъ, въ прошломъ столѣтіи называвшихъ себя только „руськими“, а языкъ свой „руськимъ“ (это видимъ не только у поборника принятія русскаго литературнаго языка, придерживавшагося этимологическаго правописанія даже при изданіи народныхъ пѣсенъ Я. ѡ. Головацкаго, но и у приверженцевъ идеи созданія литературы на чисто народномъ языкѣ, какъ филологъ. М. Огоновскій, какъ авторъ художественныхъ повѣстей изъ быта русскаго православнаго населенія Карпатскихъ горъ — *Осипъ Федъковичъ*. Только въ XX. столѣтіи галицкая „народная“ партія откидываетъ старое, именно въ простомъ галицкомъ крестьянствѣ *популярное* имя „русскій“ и „русскій“ и замѣняетъ его сначала въ видѣ *прибавки* къ нему впереди ставившимся, а потомъ совершенно его вытѣснившимъ именемъ „украинскій“. (Акад. Карскій: Въ древнѣйшую пору Малороссія называется просто „Русью“, „Русской Землей“ (въ лѣтописяхъ и др. старинныхъ памятникахъ). Терминъ „Украина“, въ смыслѣ „окраина“ попадается уже въ концѣ XII в., но какъ политическій терминъ сначала для Поднѣпровья, составляющаго, окраину польскаго государства, входитъ въ употребленіе лишь съ XVI столѣтія“. (Стр. 127—8). Между прочимъ въ революціонныхъ грамотахъ Мазепы „Украина“ почти не встрѣчается. Въ настоящее время особенно стремятся малорусскіе „ученые“ привить народу специфическое сознаніе, что какъ малороссъ, онъ не русскій, а „украинецъ“ (для того и пушено въ ходъ это слово, какъ обозначеніе національности, ибо историческая данная наименованія говорять противъ этого). Въ Карпатской Руси слово „украинецъ“ чуждо; по этому поводу Петрищевъ, побывавшій въ Карп. Руси, не такъ сильно тронутый „украинской“ пропагандой, пишетъ: (см. „Дни“ съ 13 и 20-го іюля 1924) „назвать подкарпатскаго землероба“ украинцемъ просто невозможно: это значило бы нанести обиду. Непопулярно и слово „русинъ“. Назовете кого-нибудь „русиономъ“, — вамъ отвѣтятъ иногда холодно вѣжливо, а иногда и раздраженно: — Нѣтъ, мы русскіе... Въ былыя времена говорили нѣсколько проще: „руськіе“. Теперь стараются говорить „руссکіе“ „Русинъ“, „Рускій“ неотвратимо напоминаютъ о національномъ существѣ данной вѣтви съ единой русской національной стихіей. Ясно, что „Украину“ изобрѣли враги Россіи и Малороссіи.

отдѣльного языка можетъ мѣшать единству русской государственности. Единство государственности же опредѣляется и другими составными частями русской цивилизациі: русскими общественными идеями, русскимъ художествомъ, русской наукой, русской промышленностью“. Е. Аничковъ.(Le Messager du Comit  National Russe, Вѣстникъ Русскаго Национальнаго Комитета № 5. Парижъ). Атаманъ Струкъ и В. Хмара въ „Дняхъ“ (№ 550, 29 августа 1924 г.) пишутъ: „За дѣятельность же петлюровско-галицкихъ бандъ, разстрѣлившихъ только въ январѣ 1919 г. въ Кіевѣ 4.000 русскихъ людей...“

„народовцевъ“, стремившееся пересадить „украинскую литературу“ съ ея новымъ фонетическимъ правописаніемъ Кулиша, — въ Галицію, 3) поддержкой этого движенія со стороны австрійского правищельства*),

Читая пасквиль на себя, государь хохоталъ, и вѣроятно дѣло тѣмъ и кончилось бы и дуракъ не пострадалъ бы (319) зато только, что онъ глупъ. Но когда государь прочелъ пасквиль на императрицу, то пришелъ въ великий гнѣвъ, и вотъ его собственные слова: „положимъ, онъ имѣлъ причины быть мною недовольнымъ, и ненавидить меня, но её то за что?“ И это понятно, когда сообразите, въ чемъ состоитъ славянское остроуміе; когда оно устремляется на женщину. Я не читалъ этихъ пасквилій, и никто изъ моихъ знакомыхъ не читалъ, но увѣренъ, что пасквиль на императрицу долженъ быть возмутительно гадокъ, по причинѣ о которой я уже говорилъ... (следуетъ изложеніе случая обѣ увольненіи цензора Ивановскаго). Вотъ, что дѣлаютъ эти скоты, безмозглые, либералишки! Охъ эти мнѣ хохлы! Вѣдь бараны — а либеральничаютъ во имя галушекъ и варениковъ съ свинымъ саломъ! И вотъ теперь писать ничего нельзя — все мараютъ. А съ другой стороны, какъ и жаловаться на правительство? Какое же правительство позволить печатно проповѣдывать отторженіе отъ него области? И вотъ еще слѣдствіе этой исторіи. Ивановскій былъ прекрасный цензоръ... Послѣ этой исторіи онъ естественнѣе сталъ строже и придирчивѣе, и мы лишились такого цензора, по милости либеральной свиньи, годной только на сало...“

*) Исторія еще разбирается въ преступныхъ дѣяніяхъ „украинскихъ“ научныхъ и политическихъ дѣятелей во время міровой войны на территорії Австро-Венгрии и Германіи. Она уже открыла на страницахъ нѣкоторыхъ историческихъ изданий нашего времени способы и аргументы, къ которымъ прибѣгали „украинцы“, такъ напр., въ книгахъ П. Н. Милюкова. (Исторія второй русской революціи, т. I, выш. I, глава III, (стр. 139—165) „Расчлененіе Россіи подъ лозунгомъ „самоопределѣленія“ (1921), Д-ръ Мельниковъ: Годы великой вѣйны въ жизни русского Прикарпатья (материалы по исторіи вып. I. Denkschrift des allgemeinen ukrainischen Nationalrates betreffend die Massnahmen zur Reform der, von den Russophilen beherrschten ukrainischen Institute in Lemberg. (См. рецензію „Прикарпатская Русь“ 1919, № 42). Герцогъ Г. Н. Лейхтенбергскій: Воспоминанія обѣ „Украинѣ“ 1917—1918. Талергофъ 1914—1917, „Альбомъ снимковъ изъ лагеря для военно-арестованныхъ русскихъ галичинъ и буковинцевъ въ Штиріи“. А. М. Волконскій: „Историческая правда и украинская пропаганда“. (Переводъ съ французск.) Берлинъ 1921. „Samostatnost“ 24 dubna č. 13. „Pruský general Hofmann napsal v svých „vzpominkach“ „Я создалъ „Украину“ и украинцевъ въ Брестъ-Литовскѣ въ 1918 году“. Лемке и др.) измѣнническую и предательскую работу въ названныхъ государствахъ. Такъ кому неизвѣстна дѣятельность Ев. Левицкаго. Кому не памятны его рѣчи въ Берлинѣ въ 1915 году. (См. книгу М. Лемке „250 дней въ царской ставкѣ“. Петербург, 1920, Гос. Изд.). Кому неизвестно, что во время міровой войны дѣло дошло до того, что одинъ изъ „украинцевъ“ добрался до самаго Талаатъ-бeya (!) съ проектомъ освобожденія „Украины“ отъ Россіи. Изобиліе представителей „украинства“ поразительно... что это самозванство или провокация!? Вдохновителемъ всего противорусского являлся и является одинъ и тотъ же „украинскій батько“ проф. Грушевскій, нынѣ перебравшійся въ Кіевъ, гдѣ усердно занимается українізаціей южно-русского края. — Достоевскій останавливается надъ возмутительнымъ случаемъ, когда въ Австріи арестовали нашего историка Иловайскаго, изслѣдовавшаго древности въ Русской Галиції, а петроградскіе педагоги склонны были оправдывать этихъ политическихъ инквизиторовъ и „обвинять“ кабинетнаго ученаго въ русской пропагандѣ (21.—335 словарь къ твореніямъ Достоевскаго преосвящ. Антонія митрополита Кіевскаго и Галицкаго, стр. 99, Софія 1921 г.). Русская цивилизація прежде всего, пишетъ проф. Е. Аничковъ, весьма либеральный учёный, — значитъ русская государственность прочно обоснованная, безразлично, будетъ ли она федеративной или централистической. У проф. Грушевскаго въ его популярномъ очеркѣ „Исторія Украины“ вырвалась фраза: — во времена Святослава „украинцы назвались Русью“. Конечно Русью, а чѣмъ же еще другимъ они могли называться? Ярко сказывается въ этой фразѣ вся запутанность, неискренность, сфабрикованныхъ въ Мюнхенѣ и Вѣнѣ утопическихъ принциповъ, по которымъ существование на южной окраинѣ Россіи, немного

опасавшагося развитія русскаго самосознанія у галицкихъ малоросовъ, въ прошломъ столѣтіи называвшихъ себя только „руськими“, а языкъ свой „руськимъ“ (это видимъ не только у поборника принятія русскаго литературнаго языка, придерживавшагося этимологическаго правописанія даже при изданіи народныхъ пѣсенъ Я. ѡ. Головацкаго, но и у приверженцевъ идеи созданія литературы на чисто народномъ языкѣ, какъ филологъ. М. Огоновскій, какъ авторъ художественныхъ повѣстей изъ быта русскаго православнаго населенія Карпатскихъ горъ — *Осипъ Федъковичъ*. Только въ XX. столѣтіи галицкая „народная“ партія откидываетъ старое, именно въ простомъ галицкомъ крестьянствѣ *популярное* имя „русскій“ и „русскій“ и замѣняетъ его сначала въ видѣ *прибавки* къ нему впереди ставившимся, а потомъ совершенно его вытѣснившимъ именемъ „украинскій“. (Акад. Карскій: Въ древнѣйшую пору Малороссія называется просто „Русью“, „Русской Землей“ (въ лѣтописяхъ и др. старайныхъ памятникахъ). Терминъ „Украина“, въ смыслѣ „окраина“ попадается уже въ концѣ XII в., но какъ политическій терминъ сначала для Поднѣпровья, составляющаго, окраину польскаго государства, входитъ въ употребленіе лишь съ XVI столѣтія“. (Стр. 127—8). Между прочимъ въ революціонныхъ грамотахъ Мазелы „Украина“ почти не встрѣчается. Въ настоящее время особенно стремятся малорусскіе „ученые“ привить народу специфическое сознаніе, что какъ малороссъ, онъ не русскій, а „украинецъ“ (для того и пушено въ ходъ это слово, какъ обозначеніе національности, ибо историческая данная наименованія говорять противъ этого). Въ Карпатской Руси слово „украинецъ“ чуждо; по этому поводу Петрищевъ, побывавшій въ Карп. Руси, не такъ сильно тронутый „украинской“ пропагандой, пишетъ: (см. „Дни“ съ 13 и 20-го іюля 1924) „назвать подкарпатскаго землероба“ украинцемъ просто невозможно: это значило бы нанести обиду. Непопулярно и слово „русинъ“. Назовете кого-нибудь „русиономъ“, — вамъ отвѣтятъ иногда холодно вѣжливо, а иногда и раздраженно: — Нѣтъ, мы русскіе... Въ былые времена говорили нѣсколько проще: „руськіе“. Теперь стараются говорить „руссکіе“ „Русинъ“, „Руській“ неотвратимо напоминаютъ о національномъ существѣ данной вѣтви съ единой русской національной стихіей. Ясно, что „Украину“ изобрѣли враги Россіи и Малороссіи.

отдѣльного языка можетъ мѣшать единству русской государственности. Единство государственности же опредѣляется и другими составными частями русской цивилизациі: русскими общественными идеями, русскимъ художествомъ, русской наукой, русской промышленностью“. Е. Аничковъ.(Le Messager du Comit  National Russe, Вѣстникъ Русскаго Национальнаго Комитета № 5. Парижъ). Атаманъ Струкъ и В. Хмара въ „Дняхъ“ (№ 550, 29 августа 1924 г.) пишутъ: „За дѣятельность же петлюровско-галицкихъ бандъ, разстрѣлившихъ только въ январѣ 1919 г. въ Кіевѣ 4.000 русскихъ людей...“

Въ Галиціи употребляются и другіе мѣстные названія: „русины“ — Ruthenen (въ Галичинѣ и Буковинѣ — по Бугу, Днѣстру и его притокамъ) — собственно общее название. Горные русины раздѣляются на „гуцоловъ“ (въ долинѣ Прута и Чернаго Черемоша, Бѣлаго Черемоша въ Буковинѣ и отчасти Сучавы, и въ Угріи въ долинѣ Бѣлой и Черной Тисы; „бойковъ“ (на сѣверовосточномъ склонѣ Карпатъ, къ югу отъ Стрыя); „лемковъ“ (отъ слова „лемъ“ только самая западная часть русского племени, отъ м. Лютовиска до Татръ); „угоруссовъ“ (Карпаторуссовъ) или „угорскихъ русняковъ“ (чешск. терминъ Podkarpatská Rus — въ послѣднее время — Podkarpatsko по аналогіи — Slovensko). (югозап. у Тисы). — По религії большинство малоруссовъ — православные, въ Галичинѣ и Угорской Руси — униаты. (См. „Украинская Жизнь“ 1915 Москва). А. Свѣнцицкій: Къ этнографіи Бойковъ. „Живая Старина“ годъ XXIII., 1914 г. СПБ. 1915. Но прикрываясь традиціями имени поэта Шевченко, львовское ученое украинское „товарищество“ совершило не слѣдуєшъ въ созданіи своего научнаго языка традиціямъ славнаго украинскаго поэта, писавшаго непосредственнымъ живымъ языкомъ крестьянства приднѣпровскаго края безъ тенденціознаго желанія отдалить его отъ русскаго литературнаго языка, а также и примѣру такихъ талантливыхъ самородковъ, какъ буковинскій гуцулъ Осипъ Юрій Федъковичъ. Его образная поэтическая рѣчь, близкая къ народной рѣчи Малороссіи, отличается, однако, кое-чѣмъ отъ послѣдней въ формахъ и словарѣ, но не въ смыслѣ отдѣленія отъ древнерусскаго источника, а въ смыслѣ приближенія къ нему; въ образномъ языкѣ Федъковича мы встрѣчаемъ обороты, свойственные древнерусскимъ лѣтописямъ, наприм. частое употребленіе родительного падежа („одного вечора“, — одной днины, — львов. изд. 1902, 11, 87, 95).

Стараясь создать украинскій народный языкъ, львовские ученые украинской партіи умышленно избѣгаютъ совпаденій съ russкой научной терминологіей и, порвавъ всякия традиціи и связи съ ученой, общей всей древнерусской письменности, терминологіей церковно-славянской, предпочитаютъ заимствовать польскую терминологію, перемѣнивъ лишь польскіе звуки на украинскіе, нѣмецкую; (на пр. въ недавно вышедшей книжѣ Д-ра В. Симовича: Граматика українскої мови, для самонавчиння та в допомогу шкільній науці, Кіев—Ляйпциг 1919 (книга эта написана въ духѣ Смаль-Стоцкаго) — см. рецензію въ „Славії“ II. стр. 128-9, 1. проф. Ю. И. Поливки. 1923) таковы: „рижничка“ (дифференціаль) съ польского „rõźnica“ или „назвук“ (начальный звукъ слова), съ нѣмецкаго „Anlaut“, „визвук“ съ нѣмецкаго „Auslaut“ и т. п., пень буквально переведенъ съ нѣмецкаго „Stamm“ между тѣмъ, какъ въ русскомъ языке существуетъ старое слово „основа“ (это же

слово употребляютъ чехи). Объ этомъ искусственномъ языкѣ галицкихъ ученыхъ, мало понятномъ не только нашимъ малороссамъ вообще, но и тѣмъ, которые считаютъ желательнымъ созданіе малорусскаго литературнаго языка во время войны много писалъ акад. Струве въ 1914 году.

Мы видимъ такимъ образомъ, среди извѣстной партіи галицко-русской интеллигенціи стремленіе не только создать особый ученый и литературный языкъ, приспособленный для передачи научнаго мышленія, но и доказать его полную отдѣльность отъ созданнаго уже обще-русскаго языка. Среди ученыхъ этого толка, однимъ изъ яркихъ представителей котораго является составитель новѣйшихъ грамматикъ Смаль-Стоцкій (Smal-Stockyj und Gartner: Grammatik der ruthenischen (ukrainischen Sprache) (Wien 1913), возникаетъ даже нелѣпое съ научной точки зрењія стремленіе доказать *исконную самостоятельность* малорусскаго языка рядомъ съ великорусскимъ и другими славянскими. (О книгѣ Смаль-Стоцкаго писали проф. Ягичъ въ „Arch. füslavische Philologie“, акад. Шахматовъ и акад. Карскій — доводы Смаль-Стоцкаго разобраны и доказана ихъ полнѣйшая несостоятельность). („Україна 1914 г., I, 31-49. Р. Ф. В., LXX“).

Что же касается попытки дать научную грамматику укр. языка А. Крымскаго, то о ней акад. Карскій говоритъ „книга эта производитъ странное впечатлѣніе; въ ней недостаетъ начала, нѣсколькихъ листовъ и цѣлыхъ выпусковъ въ срединѣ; пагинація вообще очень странная, а главное изложеніе научныхъ фактовъ, подъ часъ очень цѣнное, сопровождается крайнимъ политическимъ задоромъ по адресу ак. Соболевскаго (отзывъ объ этой книгѣ см. ак. Шахматова во II, т. Rocznik Slawistyczny Krakow 1909).

Межу тѣмъ гравильная точка зрењія, доказанная нами выше, можетъ быть одна: *малорусскій и великорусскій языки — два родные браты, дѣти языка древнерусскаго до половины XII вѣка*, и каждый изъ нихъ можетъ быть сравниваемъ съ другими славянскими не самостоятельно, а лишь при посредствѣ возведенія къ языку прадарусскому, который въ главныхъ чертахъ сохранился еще въ древнерусскомъ языкѣ до XII. вѣка.

Акад. Е. Карскій (предсѣдатель 2-го отдѣленія академіи Наукъ — крупнѣйший русскій діалектологъ нашего времени) отстаиваетъ точно такую-же точку зрењія. Въ своемъ заключеніи къ „русскої діалектології“ онъ пишетъ (стр. 147):

„Мы познакомились съ тѣми нарѣчіями, которыя въ совокупности составляютъ „русскої языкѣ“. Изъ нихъ одни очень близки другъ къ другу, другіе значительно разнятся. Однако, вообще говоря,

различie между ними не особенно велико; даже между самыми отдаленными нарѣчіями гораздо больше точекъ соприкосновенія, нежели между самыми близкими языками изъ другихъ славянскихъ языковъ, какъ русскимъ, сербскимъ и болгарскимъ, или чешскимъ и польскимъ. Вследствie этого считать ихъ за совершенно обособленные языки никакимъ образомъ не возможно: всѣхъ ихъ роднитъ одна общая основа русского языка. Право называться „языками“ даетъ имъ то, что на нихъ имѣется художественная и научная литература. Не касаясь несомнѣнного доисторического единства русского языка и даже почти иолнаго единства въ началѣ его исторической жизни, такъ какъ это предметъ истории языка, мы укажемъ здѣсь лишь тѣ общія черты, которыя свойственны всѣмъ нарѣчіямъ русского языка и ихъ поднарѣчіямъ. Онѣ слѣдующія:

1. на мѣстѣ прасл. и старосл. звуковъ ȝ, ь во всемъ русскомъ языке имѣемъ подъ ударенiemъ ó, é; тоже и въ группахъ неудобныхъ для произношенія: прасл. сънъ=сонъ; прасл. днь=день; серб. дан, сан=сна; польск. чешск. — sen;
2. на мѣстѣ прасл. сочетаній ȝg—ȝl, ȝg—ȝl, окруженныхъ согласными, при старославянскихъ ѹк — лк, ѹк — лк и древне русскихъ ѿр—ъл, ѹр—ъл, имѣемъ ор—ол, ер—ел; торгъ (др. р.—търгъ), волкъ (др. р. вълкъ), серна (др. р. сърна), жолть изъ желтъ (др. р. жълтъ); серб. — трг, вук, срна; поль. — targ, wilk.
3. Особенно характерной чертой русского языка является полногласіе, т. е. употребленіе слоговъ оро—оло, ере—еле на мѣстѣ основныхъ славянскихъ (праславянскихъ) ог—оł, ег—еł, тамъ, гдѣ въ ст. славян. ра—ла, ѹк—лк; * borda, ст.-сл. брада=борода; * golva, ст.-сл. глава=голова; * berg, ст.-сл. брѣгъ=берегъ; * gełza, ст. сл. жлѣза=железа; * mleko, ст.-сл. млѣко=молоко и т. д.; серб.—брѣда, глѣва, брѣгъ; у поляковъ: broća, głowa, mleko, brzeg и т. д.
4. Лабіализація l въ праславянскихъ группахъ el и ыl передъ слѣдующимъ твердымъ задненебнымъ: молоко (изъ mölko=melko), волкъ (изъ vylkъ—vylkъ) при ст.-сл. млѣко, влькъ. Польское: mleko wilk и т. д.
5. На мѣстѣ праславянскихъ o и e носовыхъ (o и e), при старославянскихъ (ж и я), имѣемъ гласные чистые: ж=y, (ж=ю), я=a (послѣ шипящихъ) и 'a (въ другихъ случаяхъ: я=я) ст.-сл. джбъ=дубъ, мож = мою, чмстъ = часть, пѧть = пять, гꙑзыкъ = языкъ; серб. дуб, болг. дѣб, слов. доб, польск. dąb; чешс. rět, польск. rieć; серб. језик, польск. język.

6. На мѣстѣ группъ *dj* и *tj*, при ст.-сл. жд, шт, имѣемъ ж и ч; ст.-сл. *межда*=*межа*, *тысѧшта*=*тысяча*, въ другихъ сл. яз. разнообразіе замѣстителей: серб. *међа* *тисућа*, польск. *miedza*, *tysiac*, чешск. *meze*, *sisic*, (у малор. и бѣлор. спорадически дж.); хочу, свѣча, одежа, межа.

7. На мѣстѣ группъ *bj*, *pj*, *vj*, *tj*, находимъ бл, пл, вл, мл, какъ и въ больш. памятниковъ старосл. языка, а также какъ во всей группѣ югославянскихъ языковъ, кроме болгарского. Сѣверо-западные языки не знаютъ этого смягченія (польск. *lubię*, *kupię*), (мыло — изъ мыдло, вели изъ ведли, плели изъ плет-ли).

9. На мѣстѣ основного славянского начального *e*, въ нѣкоторыхъ словахъ, ст.-сл. *и*—*е*, обыкновенно бываетъ *o*: *одинъ*, *олень*, *озеро*, *осенъ* и т. д. — ст.-сл. *иединъ*, *иленъ*, *изеро*, *исенъ*, серб. *једин*, *јелен*, *језеро*, *јесен*, польск. *jeden*, *jeleń*, *jezioro*, *jesień*.

8. Отсутствіе д и т передъ л, н: *молитъ*, (изъ * модлити), плѣль (изъ * плетль) *вянутъ* (изъ * вѣднѣти). Въ сѣверо-запад. группѣ слав. языковъ д, т здѣсь удерживаются: польск. *modlić*, чешск. *modliti*, польск. *szedł*, *plótł*, чешск. *padl*, *pletl*, чешск. *vadnouti* и т. д.

10. Однаковыя особенности въ склоненіяхъ и спряженіяхъ. Флексивныя окончанія въ общемъ образуются одинаково и сходно выводятся изъ прарусскихъ первоосновъ, какъ род. пад. ед. чис. у основъ на — *ia* и тому подоб.

11. Во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ, говоря вообще въ словахъ одинаковое удареніе, основанное на одной и той же системѣ.

12. Однаковыя морфологическія и словарныя особенности. Не останавливаясь на этомъ вопросѣ въ подробностяхъ, отмѣчу для примѣра приставку *роз-*, общую всѣмъ русскимъ говорамъ. Если южно-великоруссы знаютъ и *раз-*, то, какъ мы видѣли, это объясняется ихъ аканіемъ. Изъ словарныхъ отличій можно указать наприм., на *сорокъ*, известное всѣмъ нарѣчіямъ русского языка и неизвестное другимъ славянамъ. Правда въ лексическомъ отношеніи нѣкоторыя русскія нарѣчія (бѣлорусское и малорусское), вслѣдствіи продолжительной общей политической жизни съ поляками, развили нѣсколько особыхъ словъ для выраженія больше культурныхъ понятій; также и великорусские говоры, вслѣдствіи татарского ига и столкновеній съ разными азіатскими народами, приняли въ свой словарь не мало восточныхъ словъ; но все это не разрушаетъ основного словарного единства (курсивъ мой), по сравненію съ другими славянскими языками, наблюдавшагося во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ. (Два слѣдующихъ отличія принадлежать проф. Ляпунову).

13. Смягченіе полумягкихъ согласныхъ передъ гласными передняго ряда (е, и, я): несу, тихо, сяду, произнѣсились во всемъ древнерусскомъ

языкъ со вполнѣ мягкими н, т, с, какъ въ нынѣшихъ нарѣчіяхъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ.

14. Переходъ носового ъ, которому въ старославянскомъ соотвѣтствуетъ юсь малый, въ ъ чистое согласное съ древнепольскимъ, (род. ед. дѣвицъ, душъ, вин. пад. ми. ч. мужъ, конъ).

Если остановиться только на перечисленныхъ чертахъ, то не говоря уже о другихъ мелочахъ въ сходствѣ, мы увидимъ, что всѣ эти черты въ высшей степени существенны, и всѣ другіе черты различія русскихъ нарѣчій, въ сравненіи съ ними, *незначителены, не таковы, чтобы они могли характеризировать цѣлый языкъ, а не его нарѣчія*. Отсюда самъ собой вытекаетъ выводъ, что русскій языкъ одинъ, распадающійся на нѣсколько нарѣчій. (Стр. 149., ак. Карскій. Русская діалектологія. Очеркъ литературного русского произношенія и народной рѣчи великорусской (южнорусской и сѣверо-великорусскихъ говоровъ) бѣлорусской и малорусской (украинского языка) Ленинградъ 1924. Издание Съятель).

Доказавъ единство русского языка въ его нарѣчіяхъ, мы должны сказать нѣсколько словъ и о томъ русскомъ языкѣ, который изучается въ русскихъ школахъ и который мы называемъ общерусскимъ. Именно это нерѣдко представили украинской самостоятельности умышленно или неумышленно смѣшивающіе съ языкомъ великорусскимъ, что глубоко невѣрно и знакъ равенства могутъ ставить только „украинцы“ самостійнаго штолка между „русскимъ“ и „великоросомъ“. Это можетъ ввести въ заблужденіе развѣ только иностранца. Если внимательно изучить русскіе говоры, то мы найдемъ иногда въ народномъ великорусскомъ языкѣ больше совпаденія съ народнымъ же малорусскимъ, чѣмъ съ русскимъ литературнымъ или общерусскимъ (такъ наприм. велик.— ошке лева, малорусское — вишкеля, общерусское — откуда). Лишь господствующее произношеніе этого послѣдняго языка, обусловленного послѣдней стадіей его развитія на почвѣ средне-великорусской народной рѣчи, тождественно съ особенностями общерусского языка. Чтобы убѣдиться въ этомъ различіи, стоитъ сравнить съ общерусской рѣчью тѣ образцы говоровъ московской губерніи, которые помѣщены въ хрестоматіи по великорусской діалектологіи Дурново и Ушакова (Москва, 1910 г. стр. 124, 125 и слѣд.) и діалектологіи Карскаго.

Съ точки зренія общерусского языка новѣйшей формациіи всякий мѣстный говоръ является „неправильнымъ“, „нечистымъ“, хотя бы онъ носилъ замѣчательные слѣды древности и передавалъ точнѣе древнерусскія традиціи, чѣмъ нормированный общерусский языкъ. Этотъ послѣдній обязанъ своимъ образованіемъ не одному какому-нибудь нарѣчію, а созданъ усилиемъ культурныхъ дѣятелей изъ области разныхъ

парѣчій въ разныя эпохи русской исторіи. Онъ создавался путемъ незольныхъ соглашеній и уступокъ при живыхъ сношеніяхъ между собою верхнихъ слоевъ древне-русского общества, выросшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ, среди различной діалектической обстановки, причемъ сильное вліяніе на этотъ общій языкъ оказалъ языкъ древне-русской письменности — древне-церковно-славянскій языкъ, по своему происхожденію живой языкъ южно-македонскихъ славянъ IX вѣка, принадлежащихъ къ той славянской вѣтви, которая нынѣ называется болгарской. Этотъ языкъ былъ литературнымъ органомъ на Руси (правда съ малыми фонетическими измѣненіями — носовыхъ гласныхъ). На немъ писали всѣ серьозныя духовныя и свѣтскія произведенія; получая, житія святыхъ, лѣтописи, причемъ въ послѣднихъ лишь при описаніи событий народной жизни незольно проникла живая русская рѣчь въ значительной степени, но и она постоянно чередовала формы русскія съ южно-славянскими, что и свидѣтельствуетъ о томъ, что и разговорная рѣчь грамотнаго населенія усваивала церковно-славянизмы.

Паралельно съ исторіей русского церковнаго текста шла исторія живого русского языка. Появлялись произведенія на народномъ языкѣ въ XVI—XVII вѣкахъ — въ Литовской, Московской Руси. (Евангеліе Тяпинское, Пересопницкое, Домострой, Библія Скорины и др.). Но русскій языкъ образованныхъ классовъ разныхъ городовъ рано могъ получать однообразный характеръ, соединяя съ общерусскими чертами и нѣкоторыя заимствованія изъ письменности простонародной. Такой общій разговорный языкъ уже въ древнее время XI—XII вѣковъ могъ существовать въ матери городовъ русскихъ, въ древнемъ Кіевѣ, где была постоянная смѣна княжескихъ дружиинниковъ, благодаря удѣльно-вѣчевому строю и наслѣдованію князей не по прямой линіи. Изъ древняго Кіева этотъ языкъ, въ которомъ сглаживались діалектическія различія и выступали лишь общія всѣмъ говорамъ русскія особенности, переносился въ область Сузdalскую, Владимиръ на Клязьмѣ и далѣе въ Москву. Конечно, послѣ раздѣленія на Московскую и Литовскую Русь, а въ особенности съ паденіемъ удѣльного строя, содѣствовавшаго частымъ переселеніямъ, языкъ Московской Руси все болѣе отдался отъ языка Руси Литовской, которая послѣ соединенія съ Польшей начала воспринимать и полонизмы. Но вліяніе южнорусскихъ дѣятелей на Москву, на ея письменность, а черезъ посредство послѣдней и на живой языкъ высшихъ классовъ Москвы не прекращалось въ XVI в., особенно же усилилось въ XVII вѣкѣ, когда цѣлый рядъ кіевскихъ ученыхъ приносилъ свои произведенія въ Москву. Эти ученые и литераторы южнорусскіе (Мелетій Смотрицкій, Стефанъ Яворскій, Дмитрій Ростовскій, Семеонъ Полоцкій, прибывшій изъ Малороссіи въ Москву въ 1664 г. и др.).

внесли свой южнорусский элементъ въ русскую литературную и обще-русскую рѣчъ на съверѣ. Съ другой стороны, литературный русскій языкъ, воспитавшійся на церковно-славянской основѣ постепенно все больше воспринимаетъ народные русскіе элементы разныхъ мѣстностей, что особенно усилилось послѣ дѣятельности Ломоносова*), вносявшаго много съверновеликорусскихъ народныхъ словъ и оборотовъ. Послѣ Ломоносова, освятившаго своимъ разсужденіемъ о стиляхъ доступъ народному языку въ литературу, послѣдній входитъ въ нее въ качествѣ уже господствующей стихіи въ произведеніяхъ И. А Крылова, А. С. Пушкина, А. С. Грибоѣдова и еще болѣе писателей второй половины XIX вѣка. Важно указать, что кромѣ великорусской рѣчи въ литературу и общерусскій языкъ продолжаетъ проникать и малорусская въ произведеніяхъ Гнѣдича, Гоголя, Кохановской, Данилевскаго, Короленка и мн. др.**). Народный воронежскій поэтъ Кольцовъ, кромѣ внесенія народной южно-великорусской стихіи, имѣетъ кое-что и малорусское. Такимъ образомъ русскій литературный языкъ никоимъ образомъ не можетъ считаться исключительно великорусскимъ, не можетъ считаться великорусскимъ и общерусскій разговорный языкъ. Ясно, что русскій литературный языкъ есть общерусское достояніе.

Въ заключеніе напомнимъ слова извѣстнаго критика Н. А. Добролюбова — въ статьѣ „Кобзарь“ Шевченко (т. III, изд. IV. СПБ. стр. 294) гдѣ онъ высказываетъ, какъ бы совершенно примитивный и глубокообъективный взглядъ на языкъ. — „Вѣдь у насъ языкъ, — пишетъ Добролюбовъ, — котораго заподозрить въ симпатіяхъ къ „московскому

*) Повелитель многихъ языковъ, языкъ россійскій, не только обширностью мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ, но купно и собственнымъ своимъ пространствомъ и довольствиемъ великъ передъ всѣми въ Европѣ. Карлъ V, Римскій императоръ, говоривалъ, что Испанскимъ языккомъ съ Богомъ, Французскимъ съ друзьями, Нѣмецкимъ съ непріятелями, Итальянскимъ съ женскимъ поломъ говоритьлично, но если бы онъ Россійскому языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпие Испанскаго, живость Французскаго, крѣпость Нѣмецкаго, нѣжность Итальянскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость Греческаго и Латинскаго языка. Сильное краснорѣчіе Цицероново, великолѣпная Вергиліева важность, Овидіево пріятное витійство не теряютъ своего достоинства на Россійскомъ языкѣ. Тончайшія философскія воображенія и разсужденія, много различныхъ естественныхъ свойства, бывающія въ семъ видимомъ строеніи міра и человѣческихъ обращеніяхъ, имиутъ у насъ пристойныя и вещь выражаютія рѣчи. И ежели чего точно изобразить не можемъ, не языку нашему, по недовольству своему въ немъ искусству приписывать должноствуетъ. Кто отъ часу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятие о человѣческомъ словѣ, то увидитъ безмѣрно широкое поле или — лучше сказать — едва предѣлы имѣющее море... (Изъ посвященія „Россійской грамматикѣ“ М. В. Ломоносовъ 1755 года).

*) Г.г. „украинские письменники“ и русофобы допустили (и сейчасъ допускаютъ) роковую для нихъ ошибку („Руль“ № 1135, 1924 г.). Они не приняли во винманіе, что надъ созданіемъ русской культуры работали не только великороссы, а что она росла и крѣпла общими усилиями всей русской этнографіи (вѣдь не поджидышами были въ Россіи и Гоголь, и Шевченко, и Короленко, и Рѣпинъ).

правительству" весьма трудно, литературный — собственно не русский, а черезъ 100 лѣтъ надъ нами, конечно, будуть также смѣятся, какъ мы теперь смѣемся надъ языкомъ ассамблей Петровскаго времени. Но пись безтолковая смѣсь языковъ ограничивалась довольно скоро, и составила то, что мы теперь называемъ языкомъ образованнаго общества. Это отъ того, во первыхъ, что намъ уже рѣшительно нечѣмъ было вязаться, новые понятія и новые предметы врываются толпой, называть ихъ не умѣемъ, да и около насъ негдѣ взять; а между тѣмъ названія нужны во что бы то ни стало. Поневолѣ брали готовыя, или выдумывали, какъ попадѣтся. Во вторыхъ, книжныя понятія слова, хотя и не прошли въ народъ, а все таки захватили у насъ довольно значительную часть общества, и проникли въ законодательство. Въ Малороссіи эта масса общества, занятаго литературнымъ языкомъ несравненно меньше, да нѣтъ имъ и такой нужды перевертывать на свой ладъ каждое название вновь являющагося предмета; они получаютъ не изъ какого-нибудь латинскаго языка, — гдѣ ужъ какъ не бейся, а надобно „us“ отбросить и дать слову свое склоненіе, а изъ языка родственнаго, имѣющаго почти тѣ же формы. Такимъ образомъ слова, принятыя въ русскомъ, цѣликомъ входятъ въ малорусскій языкъ и случается встрѣчать такія малорусскія статьи, въ которыхъ только „що, аж, бо, чи“ и т. п. частицы и напоминаютъ объ собственности нарѣчія (стр. 295).

Не знаемъ, — доброму старику Тургеневу, который любилъ „нашъ великий прекрасный русскій языкъ“ и любилъ посмѣяться надъ хохломскими семинаристами (Клара Миличъ), доставило бы, безъ сомнѣнія, величайшее наслажденіе прочесть вслухъ все то, что пишутъ въ своихъ изданіяхъ „украинцы“. Мы увѣрены, что Тургеневъ, посмѣявши, плачаль бы погомъ три дня навзрыдъ — отъ всего того, къ чему привело наше „самостійницкое“ дѣло и что мы, несчастные, должны наблюдать въ настоящее русское лихолѣтье. Съ гибеллю Австро-Венгрии и разложеніемъ Германіи, пойдетъ объединеніе съ Россіей и общерусской культурой всѣхъ русскихъ элементовъ. Противники всего этого должны будутъ стать на почву своего областного своеобразія и общерусской государственности, и та точка зрѣнія, которую отстаивала въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія передъ самыми же „украинцами“ Драгомановъ*), т. е. идею общерусской культуры и великую цѣнность общерусскаго языка, будетъ имѣть реальную форму

Въ видѣ приложенія печатаемъ статью, помѣщенную въ томъ году въ одной авторитетной чешской газетѣ, относительно той „Записки Русс. Ак. Наукъ“, на которую часто ссылаются украинскіе сепаратисты. Путемъ перепечатки обнаруживается та безсовѣстная ложь, которую „самостійники“ пустили въ ходъ для того, чтобы внести въ русскую семью съмѧ раздора, вражды и ненависти, забывая, что общерусская культура и общерусскій языкъ (суть) не отвлеченные категории, а живая и могущественная историческая стихія, и тѣ живыя явленія, которые ощущаются всюду, гдѣ не коснулось австро-нѣмецко-польское давленіе.

*) Въ 1873 году, М. П. Драгомановъ писалъ, что та литература, которую въ Россіи зовутъ россійской и даже великорусской „есть литература, общая всей русской Россіи.“

(*Ročník XIX. Číslo 7. Samostatnost ve čtvrtek dne 13. března 1924. v Praze.*

Petrohradská akademie věd a ukrajinština. Ukrajinští činitelé, udělavší si s Prahy středisko svého nového politického hnutí a seskupivší se kolem tak zvané „Volné ukrajinské university“, uvykli si dovolávat se mezi jinymi argumenty pro svůj protislovanský separatismus také domnělé „Zápisky Petrohradské Akademie Nauk“, která prý sankcionovala právo samostatného ukrajinského jazyka. Jest to uvědomělý anebo neuvědomělý sebeklam anebo úmyslné klamání svého a také mystifikace českého veřejného mínění.

Ruská Petrohradská Akademie Nauk jako instituce vědecká *nikdy* takového projevu aneb usnesení ve svém *plenu* neučinila. A ten spisek, jenž byl vydán v roce 1910 jako „Zápiska Petrohradské Akademie Nauk“ má titul: „O zrušení obmezení maloruského tiskového slova“. Vznik toho spisku, přeloženého dokonce zde v Praze do českého jazyka a hodně rozšiřovaného zvlášť mezi studující mládeží, má svoji historii.

Hned po první ruské revoluci roku 1905 obrátily se některé ukrajinské spolky z Jižní Rusi na tehdejšího ministra-presidenta hr. Witte, aby byl zrušen t. zv. „Jozefovičův patent z r. 1876, kterým publikace maloruských spisů v Rusku byla obmezena jen na beletristiku, divadlo a hospodařství a také vázána zvláštním pravopisem. H. Witte se obrátil na Akademii Nauk, a tato odeslala jeho žádost do II. třídy Akademie, nosící název: „Otdelenije russkavo jazyka i slovesnosti“. V tomto oddělení byla zvolena zvláštní komise, do níž, bohužel, ne akademikové-odborníci, jako ak. Sobolevskij, světoznámý historik ruského jazyka a jeho nárečí a jako slavný ak. Lamanský, nýbrž — 3 filologové (Šachmatof, Fortunatov a Korš), 2 archiologiové a 2 biologové. Dotyčný elaborát pro komisi vypracoval akad. Korš, původem *německý kolonista*, jenž postavil thesi o dvou jazycích: velkoruském a maloruském neboli ukrajinském. Kdýž elaborát tento byl uveřejněn v Rakousku (ve Lvově, snad po první schůzi komise), protestovali druzi akademici, jako ak. Sobolevskij, a II. třída se vůbec tímto elaborátem již nezabývala. Hr. Wittemu bylo prostě odpověděno, že Akademie Věd jest proti jakémukoliv obmezování kulturní práce, a Witte zrušil samozřejmě nešťasného Jozefovičův patent.

Soukromé mínění akad. Korše, jež fedroval vroucně také známý germanofil akad. Saleman, bylo však uveřejněno r. 1910 jako „zápisika Akademie Nauk“, která prý dekretovala „samostatný“ ukrajinský jazyk. Jest to *mystifikace*, proti které se ohražoval před svojí smrtí Šachmatov, předseda oddělení ruského jazyka, který správně vytknul, že kdyby Akademie Nauk přijala něco podobného, musela by důsledně změnit název své II. třídy na „oddelení velkoruského a ukrajinského jazyka“, co však do smrti akad. Šachmatova v r. 1919 se nestalo. Teprve bolševici zrušili tuto třídu Akademie vůbec, jelikož pěstování ruského jazyka není v jejich zájmu.

Nejlepší znalec ukrajinského hnutí, S. n. Sčegolev, autor rozsáhlého spisu „Ukrajinskoje dviženije“ tvrdí však, že i publikace mínění Koršova jest *apokryfem* (str. 52). Nemožné toto než. Kdo zná dějiny mladé ruské literatury a v ní veliké množství literárních padělků a podvodů, pro toho ani padělek elaborátu akad. Korše pro Akademii nebude příliš podivný a nezvyklý.